

Страх, ужас и паника

О пользе и вреде защиты детей от информации

Николай Клименюк |

У МЕНЯ два сына, 10 и 15 лет. Оба сейчас живут в Германии, а совсем недавно жили в Москве. Так совпало, что не успели дети переехать в Европу, как в России вступил в силу закон об их защите от вредной информации. Я много раз перечитывал этот закон и каждый раз ужасно расстраивался. Потому что, хоть закон и не имеет обратной силы, я нарушал его всю свою родительскую жизнь. Закон запрещает рассказывать детям о болезнях, преступлениях и жестокости и предписывает ограждать их от всего, что может вызвать у них «страх, ужас или панику». Чем младше дети, тем строже надо их оберегать.

Мои родители умерли от рака. Они долго болели дома и в больнице в «форме, унижающей человеческое достоинство», потому что в Российской Федерации невозможно получить нормальное обезболивание ни за какие деньги и ни по какому благу. Мои дети проводили время со своими умирающими родственниками, а потом провожали их на кладбище: мы просто еще не знали, что разрешены только «натуралистические изображения или описания ненасильственной смерти без демонстрации последствий». Знали бы — непременно бы рассказали, что дедушка и бабушка улетели на Луну и оттуда внимательно наблюдают за их поведением. Хуже того, я ходил с детьми на концерт в Первый московский хоспис, где они видели совсем чужих умирающих. Ни страха, ни ужаса с паникой они не испытали — наверное, скажется дурное воспитание.

А еще мы рассказывали детям разные семейные истории. Например, про то, как в 1937 году моего дедушку-инженера расстреляли, а бабушка с шестилетним папой оказалась в концлагере в Якутии, где мой папа и рос. Это ведь очень интересно, что делал дедушка, когда был маленьким. А другой дедушка, немец из Силезии, когда был маленьким, бежал со своей семьей на запад от наступающей Красной армии, выкорчевывавшей из Польши немецкое население методами, про которые закон рассказывать детям категорически запрещает. Ни одна из этих семейных историй не заканчивается победой добра над злом, как того требует закон. Если, конечно, не считать победой удостоверение жертвы политических репрессий, которое мой папа получил незадолго до смерти. А еще они читали дневники Анны Франк — хотя это, наверное, можно: все, что там описывается (за исключением эротических переживаний несовершеннолетней Анны), вполне подпадает под определение разрешенного «описания жестокости и (или) насилия, применяемого в случаях защиты охраняемых законом интересов государства».

Надо сказать, что смеяться над этим законом стало прямо-таки хорошим тоном.

Вот, например, в информации для детей от 16 разрешено «изображение или описание половых отношений между мужчиной и женщиной, за исключением изображения или описания действий сексуального ха-

мами. Язык не поворачивается назвать эту семью нетрадиционной: работающие родители, квартира-дача, бабушка-няня, кошка-собака — все вполне традиционно, даже развод там был как у всех. Однажды

как русский, и что они не эмигрировали, а как бы вернулись на родину. Только это, наверное, меня и извиняет. Потому что Берлин встретил моих сыновей самой откровенной пропагандой гомосексуализма среди несовершеннолетних: весь город был увешан плакатами какой-то общественной организации, которые призывали подростков-гомосексуалов к мужеству — не дайте себя запугать, не верьте всяким гадам, вы не хуже других людей. И это чуть ли не на каждой автобусной остановке. В Москве мои дети тоже сталкивались с наглядной агитацией. Но она была скорее против. Мой старший поссорился с кем-то во дворе, этот кто-то написал черной краской на зеленой горке «Яша-пидар», и агитация еще долго украшала детскую площадку, пока ее не замазали при плановом ремонте.

А в Берлине у старшего в новой школе обнаружилась одноклассница-лесбиянка. Ей 14, и она говорит, что лесбиянка. В чем это выражается, никого особенно не интересует — мало ли кому девочки нравятся? Они почти всем нравятся. Школа не какая-то суперлиберальная, а вполне обычная, «на районе». В школе на уроке этики разговаривали про демократию и права человека. Сначала поделились на тех, чьи семьи происходят из демократических и недемократических стран. Дети турецкого происхождения записали себя в демократическую группу. В недемократическую пошли мальчик из Ирака, мой сын и несколько его одноклассников — коренных немцев — потому что знали от родителей, как там жилось в ГДР.

А потом стали обсуждать детскую проституцию. Но это было вовсе не про педофилов, а как раз про права человека вообще и ребенка в частности. Учитель рассказал, что очень много детей занимается проституцией в Бразилии. Потом рассказал, какие там есть государственные и общественные программы помощи этим детям. Всем классом обсудили, чем эти программы хороши, а чем — не очень, почему так получается, и постановили, что проблема существует не только в далекой Бразилии — просто она бедная, и поэтому насилия и эксплуатации там больше и они заметнее. А потом мой сын рассказал мне все это без малейших признаков душевного волнения. Волноваться начал я: то ли мы совсем не справились с воспитанием, то ли дети у меня какие-то бесчувственные. Но нет. Я прекрасно помню, как у моих детей — сначала у одного, потом у другого — возникло чувство ужаса, страха и паники. Это было, когда они посмотрели первый фильм про Гарри Поттера. Нельзя было торопиться с вредной информацией про магов и маглов: «Гарри Поттер и философский камень» рекомендован от 12 лет.

ЕЙ 14, И ОНА ГОВОРИТ,
что лесбиянка. В чем это выражается,
никого особенно не интересует —
мало ли кому девочки нравятся?

рактера». Сложно сказать, что такое половые отношения несексуального характера. Может быть, имеется в виду семья?

На этот счет в разных российских регионах принимают законы о защите детей от пропаганды гомосексуализма. Собираются принимать такой закон на федеральном уровне — и нет сомнения, что примут. В частности, запретят пропагандировать, что однополые семьи ничем не хуже традиционных. У моих детей были друзья, у которых было две мамы. Мы дружили до-

я из антропологического интереса спросил у младшего сына — ему тогда было лет семь, чем эта семья отличается от нашей. Он долго думал и сказал: ну, там у детей есть компьютеры. Потом еще подумал и добавил: им всегда разрешают есть сладкое, а еще вместо Рождества у них Ханука. Мне уже тогда следовало сделать выводы и принять меры.

И вот дети в Германии. Тут я должен уточнить, что мама моих сыновей — немка, что немецкий для них такой же родной,